

Павильон Свитков Секты Сюаньтянь представлял собой высокую башню, уходящую прямо в облака, чьей вершины было не разглядеть. Пройдя внутрь по предъявленной памятной бирке, Мо Линъюнь с еще большим удивлением обнаружил, что внутри скрывается целый отдельный мир: посреди башни возвышалось огромное старое дерево, а лестницы вились спиралью вокруг его ствола, разделяя пространство на ярусы.

Мо Линъюнь тихонько спросил у стража павильона, на каком этаже и с какой стороны находятся книги по искусству владения мечом, после чего поднялся по лестнице. В Павильоне Свитков Секты Сюаньтянь хранились мириады фолиантов, и если бы он не искал конкретное, то даже за триста дней — не то что за три, — не смог бы прочесть всё, что связано с мечом.

Путь Бесчувственности и Путь Сяояо были двумя главными течениями Пути Меча. Казалось, в любых трактатах и заметках, касавшихся Пути Сяояо, непременно упоминался Бесподобный Бессмертный Мечник Ли Чжифэн, живший тысячу лет назад. Он также был единственным за тысячелетие человеком, помимо Цзин Жуна, которого можно было назвать Владыкой Дао.

Однако многие предпочитали называть его просто Бессмертным Мечником — Бессмертным Мечником Северного Неба Ли Чжифэнем.

Ходили слухи, что он всю жизнь предавался вину и слагал песни, живя свободно и необузданно; поговаривали, что с мечом Феникса Небесного в руках он странствовал по четырем пределам, вершил правосудие и помогал слабым, а высеченные им на каменной стене Секты Сюаньтянь следы меча тысячелетие спустя всё еще хранили неиссякаемый ци меча.

И тем не менее этот Бесподобный Бессмертный Мечник исчез в момент своего величайшего расцвета, оставив после себя лишь туманные и запутанные загадки, над которыми ломали головы потомки. Одни утверждали, что он погиб, другие — что удалился от мира в глухие горы. Мнений было множество, но единого, общепринятого ответа так и не нашлось.

Мо Линъюнь страница за страницей перелистывал пожелтевшие бумажные свитки. Даже просто читая чужие записи, он чувствовал непревзойденный, гордый дух Бессмертного Мечника. Поистине, лишь столь ослепительному и несравненному человеку было под силу заполнить большую часть страниц, посвященных Пути Сяояо. Он стал квинтэссенцией Меча Сяояо: с чистым сердцем меча он исходил четыре предела и одно болото, усмирял мятежи и бедствия, подавлял демонов и духов. Разве можно было не восхищаться им?

С другой стороны, материалов о Пути Бесчувственности было гораздо меньше, да и последователей у этого пути нашлось бы куда меньше.

Мо Линъюнь листал сборник разрозненных заметок по Пути Бесчувственности, где на полях мелким почерком было выведено: ступить на Путь Высшей Страсти, практиковать методы Бесчувственности.

Но он думал: как может человек, вставший на Путь Бесчувственности, искоренивший семь чувств и отбросивший шесть желаний, хотя бы однажды прийти к Пути Высшей Страсти?

Три дня пролетели в мгновение ока. Вновь встретившись с Цзин Жунем у Зала Линсяо, Мо Линъюнь услышал его вопрос:

— Ты всё обдумал?

Мо Линъюнь глубоко поклонился, сложив руки перед грудью, и ответил:

— Ученик желает ступить на Путь Сяояо.

Этот ответ был вполне ожидаем, и Цзин Жунь не стал пытаться завлечь Мо Линъюня на собственный Путь Бесчувственности:

— Я не смогу многому научить тебя в искусстве Меча Сяояо. Когда твой дядя Цин Уцзянь выйдет из уединения, можешь чаще обращаться к нему за советами.

— Хорошо, — кивнув, согласился Мо Линъюнь.

Он слышал, что этот Цин Уцзянь был настоящим одержимым мечом. Его звали Цинь Фанцзи, но в девятилетнем возрасте он сам попросил своего наставника Цинь Фан Уцзи сменить ему имя на Цинь Уцзянь, дабы продемонстрировать свою преданность мечу.

Если верить оценке Юнь Цзина, старший брат Уцзянь мог прожить всю жизнь рука об руку со своим мечом.

Мо Линъюнь полагал, что для одержимого мечом провести всю жизнь со своим клинком — превеликое благо.

Цзин Жунь был хорошим наставником и уделял Мо Линъюню немало личного времени. Всё, что он давал юноше, относилось к высшим ресурсам секты, включая даже личные уроки.

Занятия Мо Линъюня по общим дисциплинам были временно приостановлены. По словам Цзин Жуня, Нин Цин преподавал гораздо лучше. Если же углубиться в этот вопрос — например, вспомнить мнение Юнь Цзина, который умудрился завалить экзамен по общим дисциплинам аж три раза подряд, — то звучало оно так: старший брат Нин сам составляет экзаменационные билеты по общим дисциплинам, так что учеба под его руководством снижает вероятность повторного прохождения курса до минимума.

Как же жизненно. Мо Линъюнь повертел в руках исписанный им листок с тестом по одной из общих дисциплин — «Записям о Четырех Пределах». За исключением Южных Земель, знания по трем остальным пределам — Северному, Западному и Восточному — были сплошь отмечены

красными крестами. Судя по такой тенденции, Юнь Цзин пересдавал три года, а ему, пожалуй, придется умножить этот срок надвое и провозиться все шесть лет.

Но сейчас Нин Цин покинул секту, а занятия по общим дисциплинам прервались, так что все мысли Мо Линъюня должны были сосредоточиться на технике владения мечом.

Азы своего меча он заложил в Зале Боевых Искусств, изучая формы по трактатам самостоятельно, а в непонятных местах наставления давал лично Цзин Жунь.

Судя по одобрителю взгляду Цзин Жуня, успехи юноши были вполне неплохи.

За прошедшие полмесяца Мо Линъюнь освоил основные формы меча вдоль и поперек. Нин Цин тоже вернулся с гор, и до слухов дошло, что его дядя Цинь Уцзянь, почти год проведенный в уединении, успешно совершил прорыв и со дня на день должен выйти наружу.

Поглаживая меч в руке, Цзин Жунь равнодушно объявил:

— Как только младший соученик Уцзянь выйдет из уединения, будешь учиться у него.

Мо Линъюнь дал согласие без малейших колебаний, однако он никак не ожидал, что первая встреча с этим дядей Цинем окажется столь будоражащей.

Зал Владения Мечом служил местом, где ученики секты обычно упражнялись в фехтовании. Здесь можно было тренироваться в одиночку либо сражаться в спарринге с манекенами или живыми соперниками. Манекены были оклеены специальными талисманами с Пика Цинъюнь: они не боялись ни клинков, ни стрел, но вместе с тем отличались некоторой заторможенностью реакций, поэтому Мо Линъюнь выбирал их крайне редко.

Однако боевой талант Мо Линъюня был превосходен: большинство движений меча он схватывал с первого раза. Если не брать в расчет уровень культивации, а судить исключительно по технике владения мечом, то после того, как он потаскал по аренам младших соучеников обоего пола, избивая их то так, то эдак, прошло совсем немного времени, как желающих сражаться с ним почти не осталось — победить не удавалось, а самолюбие страдало.

Мо Линъюнь обошел всех знакомых, но никто не захотел составить ему пару для спарринга, так что ему оставалось лишь усестись в сторонке, обнимая меч, и тяжело вздыхать.

Поэтому, когда массивный юноша с тяжелым мечом в руках подошел к Мо Линъюню и сам предложил стать его спарринг-партнером, Мо Линъюнь едва не прослезился от радости. На тренировках в Зале Владения Мечом разрешалось использовать только деревянные мечи, дабы случайно не покалечить соперника. Мо Линъюнь небрежно подхватил деревянный меч, переполненный ликованием от того, что кто-то наконец согласился с ним поспарринговаться, и

разумеется, не обратил внимания на странные взгляды наставников зала при виде этого человека.

— Я дам тебе фору в три удара, — весьма великодушно заявил здоровяк.

— Не нужно, — отозвался Мо Линъюнь.

Но стоило им сойтись по-настоящему, как Мо Линъюнь понял: с хвастовством он поспешил.

Натиск противника был свирепым и стремительным. Хотя в его руках был всего лишь деревянный меч, он обладал остротой и мощностью настоящего клинка. Мо Линъюнь впервые за всю практику ощутил столь невероятную тяжесть в бою. На тренировочной площадке его теснили шаг за шагом, а деревянный меч соперника, казалось, обрел собственную душу и неотступно преследовал его; стоило юноше хоть чуть-чуть оплошать, как клинок мгновенно подмечал брешь и настигал его.

Мо Линъюнь плотно сжал губы, вложив в поединок все свои силы. Его натянутые до предела нервы неотрывно следили за каждым движением противника. Настал решающий момент схватки: либо Мо Линъюню удастся переломить ход боя, либо этот грозный соперник сбросит его с помоста.

Заметив приближение массивного мужчины, Мо Линъюнь уже замахнулся мечом, но в следующее мгновение их движения прервал голос снизу.

К ним шел Нин Цин, и его янтарные глаза смотрели прямо на Мо Линъюня.

Мо Линъюнь остолбенел и не сразу сумел вернуть лицу обычное выражение — очевидно, потрепанный здоровяком, он все еще пребывал в некотором оцепенении.

— Младший соученик Чжэлань, — массивный мужчина отпустил деревянный меч, швырнув его в сторону наставников, дежуривших у помоста, и широким шагом направился к Нин Цину.

Мо Линъюнь, все еще слегка растерянный, сам подобрал свой меч и направился вглубь зала. С тех пор как он ступил на порог Секты Сюаньтянь, это был первый человек, сумевший отделать его мечом столь жестоко. Не подоспей дядя Нин вовремя с призывом остановиться, его бы наверняка сбросили с помоста в девяти случаях из десяти.

— Старший брат Уцзянь, — поприветствовал его Нин Цин, сложив руки.

Стоявший перед ним мужчина действительно был старшим учеником Пика Поддерживающий Колокола Цинь Уцзянем — его ровней, а заодно и главой Зала Владения Мечом, по праву считавшимся мастером номер один по тяжелым мечам в Секте Сюаньтянь. На днях он уединился ради прорыва к средней ступени Золотого Ядра и никак не ожидал, что, едва выйдя

из затвора, сразу же поймают для разминки собственного племянника по секте.

— Тот парень только что — новенький ученик, которого старший брат взял под свое крыло? — с живым интересом спросил Цинь Уцзянь, бросив взгляд на потерянную спину удаляющегося Мо Линъюня. Едва выйдя из уединения, он услышал, что какой-то новичок разгромил их Зал Владения Мечом, бросив вызов всем наставникам подряд. Будучи фанатичным любителем меча, он, естественно, заинтересовался этим человеком.

— Именно так, — ответил Нин Цин, направляясь вместе с Цинь Уцзянем внутрь зала.

Едва войдя, они увидели Мо Линъюня: прижав к груди тренировочный деревянный меч Зала Владения Мечом, тот сидел в сторонке и предавался унынию — поражение явно его надломило.

Однако Цинь Уцзянь совершенно не умел читать атмосферу. Улыбаясь, он направился прямо к Мо Линъюню, а его озаренная широкой белозубой улыбкой физиономия делала его похожим на свирепого пса.

— Старший брат Уцзянь... — окликнул его Нин Цин.

Словно не слыша предупреждения, Цинь Уцзянь подошел к Мо Линъюню и, отвесив похвалу, одновременно хлопнул того по спине:

— Неплохо, парень, раз уж заставил меня выложиться на пять процентов силы.

От такого удара Мо Линъюнь закашлялся, его тело подалось вперед, и он едва не закатил глаза, чтобы доказать, сколь тяжелой была ладонь Цинь Уцзяня. К счастью, он обеими руками прижимал к груди меч, иначе тот непременно выпал бы из ослабших рук. Дрожа, Мо Линъюнь поднял взгляд и выдавил:

— Вы... вы...

— Это твой дядя Уцзянь, — вовремя вмешался Нин Цин, перехватив брань, готовую уже сорваться с губ Мо Линъюня.

Цинь Уцзянь и Мо Линъюнь уставились друг на друга во все глаза, на какое-то мгновение умолкнув.

Молчание нарушил Нин Цин:

— Старший брат Уцзянь, старший брат Цзин всё еще ждет тебя на задней горе.

— О-о, сейчас иду, — торопливо отозвался Цинь Уцзянь и, улыбнувшись, попрощался с Мо Линъюнем, после чего зашагал прочь.

Нин Цин заглянул сюда лишь для того, чтобы передать весточку от Цзин Жуня. Видя, что Мо Линъюнь все еще пал духом после ухода Цинь Уцзяня, он протянул руку, легонько хлопнул юношу по плечу и утешил:

— Старший брат Уцзянь — первый мастер тяжелого меча в нашей секте. То, что ты, племянник, смог продержаться против него столько приемов, уже делает тебе честь.

Мо Линъюнь невольно с облегчением выдохнул: к счастью, этот громила не был его ровней. Если бы он оказался его соучеником по поколению и при этом так же отколотил его, это было бы невероятным позором.

Ковомерно говоря, первая встреча Мо Линъюня с Цинь Уцзянем оставила у него на редкость неловкие воспоминания.

Падающий под покровом ночи легкий снег возвестил о приходе зимы в Секту Сюаньтянь. На северных землях зима неизменно наступала раньше, чем где бы то ни было, и когда на следующий день Мо Линъюнь вышел наружу, снегопад уже прекратился, а земля была укутана белым покрывалом.

В последнее время Мо Линъюнь только и делал, что учился владеть мечом. Если разобраться, у него было целых три наставника по фехтованию: мастер тяжелого меча Цинь Уцзянь, мастер гибкого меча Нин Чжэлань и его собственный наставник Цзин Жунь, обучавший его владению обычным длинным мечом, занимавшим промежуточное положение между первыми двумя.

Прозрачный дневной свет пал на девственно чистый снег, но отчего-то не мог растопить его ледяную белизну.

Прижав меч к груди, Мо Линъюнь сидел в стороне и наблюдал, как Цзин Жунь демонстрирует ему движения. Цзин Жунь вытащил меч из ножен, и его ровное лезвие в игре света между мягким солнцем и ослепительным снегом отбрасывало холодный, пронзительный блеск. Стоило ему сделать движение, как оставалось лишь следить за следом этого света, угадывая направление удара.

Меж развевающихся одежд переплетались тени клинков, и движения Цзин Жуня были настолько стремительными, что уследить за ними едва удавалось. Мо Линъюнь прищурился, изо всех сил пытаясь уловить движение запястья наставника.

Легкий ветерок пронесся мимо, и с недалекого старого дерева сорвался последний листок. Мо Линъюнь заметил, как Цзин Жунь мгновенно сменил стойку меча, реагируя на это незаметное для обычного человека легчайшее движение, и молниеносным ударом устремился к высохшему листу.

Мо Линъюнь ожидал увидеть лишь горстку мелкой трухи, но вместо этого замер: сухой лист мягко опустился прямо на кончик меча Цзин Жуня, оставшись совершенно невредимым.

В следующее мгновение меч вернулся в ножны, а лист упал на землю.

Наставник, должно быть, хотел на этом примере объяснить проблему твердости и мягкости в искусстве меча. Едва эта мысль промелькнула в голове Мо Линъюня, как Цзин Жунь заговорил:

— Пожалуй, лучше объяснить тебе природу твердого и мягкого в мече попросить твоего дядю Нина.

Убрав меч, Цзин Жунь уверенной походкой направился к Мо Линъюню. Юноша тут же поднялся на ноги, провожая его взглядом. Смысл сказанного был ему вполне понятен: Нин Цин практиковал гибкий меч, в котором превыше всего ценилось гармоничное сочетание твердого и мягкого, когда за внешней мягкостью и плавностью форм неизменно скрывалась смертоносная угроза. Никто лучше него не смог бы растолковать суть высшей твердости и мягкости меча.

— Наставник объясняет ничуть не хуже, — ответил Мо Линъюнь. Не вынимая меч из ножен, он в точности повторил только что продемонстрированный Цзин Жунем комплекс движений. И хотя в нем не было столь грозной остроты, сходство все равно составляло никак не меньше семи-восьми долей из десяти.

С таким природным талантом к Путию Меча разве мог кто-то удержаться от того, чтобы не дорожить этим даром?

<http://bllate.org/book/20174/2009553>